

Вава, Вик, Вера
Варсановъева

СВЕТЛАНА ЛОГИНОВА

*Вава, Вик, Вера
Варсановъева*

Экспедиция
ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ



РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л69

Художественное оформление АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

В оформлении переплета использованы фотографии из архива РГАЭ

Редакция выражает благодарность РГАЭ и ФИЦ Коми НЦ УрО РАН за право использовать фотографии, документы и рисунки в настоящем издании

Логинова, Светлана Владимировна.

Л69 Вава. Вик. Вера Варсанофьева. Экспедиция длиною в жизнь / СВЕТЛАНА ЛОГИНОВА. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 422, [10] с. — (Исторические биографии).

ISBN 978-5-17-178910-7

Светлана Логинова — писатель, создатель виртуального музея В.А. Варсанофьевой, исследователь биографий XX века.

Эта книга — свидетельство жизни Веры Александровны Варсанофьевой (1889–1976), первой в СССР женщины, получившей звание доктора геолого-минералогических наук. Авантюрные экспедиции на Высших женских курсах и азарт предстоящих открытий, полевые исследования на Урале и в Печорском крае, работа в тяжелых природных условиях и непоколебимая вера в свое предназначение — вот из чего складывается портрет Варсанофьевой. Но здесь же и девочка из дворянской семьи, девушка, мечтающая о любви, женщина, пережившая революцию 1917-го и Великую Отечественную войну, расстрел возлюбленного и тяжелую болезнь племянницы. Вера Александровна оставила уникальный архив, благодаря которому стала возможна эта биография.

Издание снабжено редкими фотографиями и документами.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-178910-7

- © Логинова С.В., текст
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление
- © РГАЭ, фотографии, документы, рисунки
- © ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, фотографии: Ф. 10. Оп. 1. Д. 101. Л.1, Ф. 10. Оп. 1. Д. 102(1). Л. 1, Д. 105. Л. 1, Д. 112. Л. 1.
- © ООО “Издательство АСТ”

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия — 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вава

Младенец с кельтской шапочкой — 13. С маминой стороны — 16.
Калуга — 18. Дорога в Загранье — 19. Со стороны отца — 22.
Лето в Загранье — 23. Калуга. Первые уроки — 27. Страшные сказки
и другие книжные пристрастия — 29. Игры — 32. Рязань — 34.
В форменной шляпе и парадном белом фартуке... — 35. Судьбоносная
книга — 41. Первый бал и еще одна “книга для девочек” — 43.
Предвестники потрясений — 46. На пороге — 50. Московские высшие
женские курсы — 51. Профессор Павлов и Мария Васильевна
Павлова — 54. Полевые практики — 56. Новый преподаватель — 59.
Лето 1911-го. Средний Урал, пещерные истории — 63. Сепарация — 66.
Ведьма и активистка — 66. Средний Урал. Пещерные истории,
часть вторая — 68. Высшие женские курсы. Совсем своя — 72. Война.
Первая мировая — 76. Первая награда — 82. Высшие женские курсы.
Вава-стегозавр — 83. Вава и любовь — 87

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вик

Тиман и Цильма — 105. 1917 год. Москва — 120. Печора. 1918 год — 127.
Последний год Загранья — 130. Геологи и гражданская война — 136.
Москва. 1919–1920 годы — 138. 1921 год. Москва — 148. 1921 год.
Печора — 150. 1922 год. Москва — 167. Арест и батюшки — 170. 1925 год.
124-й лист, первый сезон — 175. Свои люди — 178. Жизнь в Москве.
1920-е годы — 185. Река Унья, 124-й лист карты — 188. Третий Всесоюзный
съезд геологов — 192. Всесоюзный съезд геологов, *afterparty* — 195.
На два города — 196. Евпатория вместо Африки — 201. Мушкетов.
Пик карьеры — 208. Новая реальность — 209. Вик и любовь — 213.
Мушкетов. С горы — 220. Тексты изданные и неизданные — 227.
Пастораль и начало ГУЛАГа — 230. Тридцатые годы. Педагогический

институт — 232. Опять Губкин — 236. Варсанофьева и ВКП(б) — 239.
Д.И. Мушкетов. 1935, 1936 годы — 242. Варсанофьева и Чернов-
младший — 249. 1937 год — 251. Международный геологический конгресс.
Речи — 254. Международный геологический конгресс. Программа — 258.
Международный геологический конгресс. Итоги — 269. Москва. Конец
1930-х — 270. Темная полоса — 275. 1941 год. Начало войны — 279.
Война. Первые месяцы — 282. Москва, 1942 год — 291. Вера Александровна
и Тата — 294. Жизнь кроме Таты. 1942–1943 годы — 306. Москва,
1944 год — 314. Полевой сезон 1944 года — 316. Юбилей академии наук
СССР, или Босиком по лужам — 321. Ожившие надежды — 325.
Печора. Тридцать пять лет спустя — 329. Прощай, Вик — 335

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Вера Александровна

Жизнь после войны — 341. “Дело геологов” — 344.
Депутат Варсанофьева — 353. Спасти заповедники. Часть первая — 359.
Смерть Сталина и жизнь Варсанофьевой — 364. Спасти заповедники.
Часть вторая — 367. Прочь из Москвы — 376. Не по возрасту — 380.
Ветряные мельницы — 384. Опять на два города — 385. Мушкетов. Конец
истории — 391. “Привезите мне череп” — 400. Про детей и котиков — 403.
1960-е годы. Путешествия — 408. Последняя из могикан — 411

От благодарного автора — 425

Вместо предисловия

Вы пишете о моих первых статьях, написанных на заре научной жизни. Да, это было прекрасное время и все были другие: и капитан, и люди, и нетронутая природа этих мест, и я сама — молодая, совершенно иного внешнего вида, чем теперь, полная веры в моральное усовершенствование человечества, в возможности безмятежного наслаждения наукой и жизнью и видевшая перед собой годы странствования по всем материкам земного шара, верившая в свое восхождение на Эверест, плавание по Амазонке и знакомство с вулканами Анд, видевшая свою будущую жизнь как прекрасный путь любимого труда и наслаждения¹, — писала Вера Александровна Варсанофьева в апреле 1965 года своему ученику и младшему товарищу Вячеславу Семёновичу Лукину.

Вере Александровне было тогда семьдесят шесть — возраст, когда вполне можно подводить окончательные итоги. И, судя по всему, итоги жизни показались Варсанофьевой неутешительными: восхождение на Эверест, сплав по Амазонке, знакомство с вулканами Анд не состоялись. О моральном усовершенствовании человечества после всех событий XX века тоже говорить не приходилось. Не задалось и с безмятежным наслаждением наукой. Да и зеркало неумолимо показывало изменившиеся черты. Где юная девушка, в которой одноклассники видели прекрасную колдунью? Где полная сил черноволосая женщина, которую восхищенные коллеги звали феей гор? Когда-то, как героиня ее лю-

¹ Письма В.А. Варсанофьевой // Лукин Вячеслав Семёнович: сборник, посвященный 100-летию со дня рождения ученого. Пермь, 2014. С. 149. Здесь и далее все письма и дневниковые записи приведены в соответствии с правилами современного русского языка.

бимого детского рассказа, она отправилась на поиски горизонта, но дорога оказалась и непростой, и длинной. Были открытия, красота мира, замечательные люди, разочарования, трагедии, предательства, одиночество.

Ее главным жизненным выбором стало служение науке. Работа, а не личная жизнь. Было много других выборов — калибром помельче, но тоже чрезвычайно важных. Не вступать в партию, но и не вставать в оппозицию. Не писать доносов, но и не рваться на баррикады. Беречь себя для науки.

Насколько оправданным казался ей такой подход в последние годы жизни? И как прочувствовала она, первая в нашей стране женщина — доктор геолого-минералогических наук, разочарование, накрывшее многих ученых и философов XX века? Они верили, что пришедшая на смену религиозным догмам наука сделает мир счастливым. Вместо этого она дала миру оружие массового поражения и уродливые результаты освоения природы: карьеры, грязные реки, вырубленные леса и высохшие озера. Ни благоденствия, ни единой картины мира так и не появилось.

Вере Александровне выпало пережить три войны, три революции и сталинский террор. Но в ее личном архиве только наука и путешествия. Варсанофьева выбрала для своей жизни парадный фасад — красивая судьба сильной и умной женщины, академика и доктора наук. Выбрала и твердо держалась этой линии: ее огромный архив, хранящийся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), оставляет ощущение подчищенности. Постоянно как будто чего-то не хватает. Раз за разом читаешь, доходишь до самого интересного места — и вдруг нет листочка или даже писем сразу за целый год, хотя в последнем сохранившемся ничего не предвещало разрыва переписки.

Что бы я дала, чтобы спросить у нее, как пережить бури, катаклизмы и трагедии истории, сохранив себя? Как не сломаться и не потерять веру в человека и человечество? Где взять сил на прямую спину, гордо поднятую голову и доброжелательную улыбку? Об этом Вера Александровна могла бы прочитать спецкурс. Вместо этого она железной рукой убирала то, что считала опасным и/или лишним. Готовя архив к вечности, пересмотрела все документы, разложила по стопкам и папкам (отдельная — на утилизацию), позвонила в РГАЭ и обо всем договорилась. За документами

к ней приехали домой. Елена Николаевна Калинина, которая была в те годы совсем молодым специалистом, а сейчас заведует отделом личных фондов, отлично запомнила этот день. Говорит, что Варсанофьева совершенно не была похожа на старушку — “дама и француженка, в ней чувствовалась порода”.

В этой книге — моя тоска по этой утраченной породе, попытка через уроки чужой жизни понять, как жить свою.

Мне остается лишь предупредить: научным достижениям доктора геолого-минералогических наук, члена-корреспондента и заслуженного деятеля в этой книге уделено мало внимания. Это исследование частной жизни выдающейся женщины в сложное время.

Писать о Варсанофьевой было и детективно-увлекательно (любовные и семейные тайны, удивительные, порой опасные приключения), и тяжело (из-за исторического контекста), и целительно. Вера Александровна оказалась личностью неидеальной. Она совершала ошибки и тоже не знала, “как правильно”. А это, согласитесь, дает надежду и нам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вава

МЛАДЕНЕЦ С КЕЛЬТСКОЙ ШАПОЧКОЙ

“Воскресный ребенок — счастливый ребенок!” — сказала акушерка, передавая матери младенца, пухлую увесистую девочку с шапочкой светлых волос на голове. Бабушка тут же углядела еще одну примету: “Да у нее кельтские волосы!” — что также считалось добрым предзнаменованием. Акушерка говорила на немецком (“*Sonntagskind — Glückskind!*”), а бабушка — на французском (“*Mais elle est née coiffée, cette petite*”). Родным был французский и для мамы младенца Юлии Львовны Варсановьевой, урожденной Юлии Полины Виктории Вилькен.

По-настоящему русским в этой семье был только ее глава — дворянин, военный артиллерист Александр Степанович Варсановьев.

Где, когда и при каких обстоятельствах Александр Степанович познакомился с Юлией Полиной Викторией Вилькен — сказать затруднительно, но первая дочь, Елена, родилась у Варсановьевых в 1886 году, когда Александру Степановичу было тридцать четыре, а Юлии Львовне — тридцать лет. Вторая появилась на свет три года спустя.

В то время, как, впрочем, и теперь, военная служба подразумевала разъезды. И если родилась девочка в Москве, в доме бабушки и деда, там же, где появились на свет ее старшая сестра, а до этого мама и четверо дядек, то первые годы жизни маленькая Вера (так называли младенца с кельтскими волосами) провела в Павловской слободе, в тридцати километрах от Москвы, где стояла 3-я артиллерийская бригада Московского военного округа.

Белая шапочка на голове быстро и безвозвратно потемнела, девочка выросла на редкость брюнетистой: черные волосы, густые брови, темные живые глаза. Домашние чаще звали ее не Верой, а Вавой.

Может, начиная говорить, она именно так произносила свое имя? Или это как-то связано с довольно распространенным в разговорах с младенцами словечком “вава” в значении “болячка, ушиб, царапина”? А может, Лена, коверкая язык, называла младшую сестру этим странным словом?

Самые ранние воспоминания Вавы Варсанофьевой относятся к первому году жизни, а много ли найдется людей, которые помнят себя в младенчестве? Она уже пыталась ходить, но предпочитала ползать и однажды встретила под столом котенка. Его зеленые глаза, серую шерстку с белой манишкой и носочками Вера Александровна описала в черновике своих мемуаров, несколько страниц которых хранятся в РГАЭ.

Сразу после рассказа о котенке идет еще одно счастливое воспоминание:

Значительно позже, когда мне было не менее 2–2,5 лет, мы гуляли с сестрою Леной вблизи нашего дома и собирали цветы на склонах придорожного рва, который казался мне тогда настоящим оврагом. Здесь цвели белые и золотисто-желтые подмаренники. <...> Был яркий, летний, солнечный день. Золотые и белые цветы, зеленая трава и голубое небо, простор большого луга впервые вызвали в моей детской душе то непередаваемое ощущение радости жизни, наслаждения привольем и красотой божьего мира, которое впоследствии я много раз более глубоко и сознательно переживала в общении с природой и которое доставило мне минуты самого безоблачного счастья. Тот день оставил неизгладимый след в моей памяти¹.

Кроме няни за девочками приглядывала старшая помощница по хозяйству Прасковья Васильевна Зотова. Она была родом из Сергиева Посада, городка, выросшего вокруг Троице-Сергиевой лавры. Иногда ездила туда навестить родственников и всегда привозила девочкам Варсанофьевым гостинцы и подарки. Сергиев Посад называли “столицей потешного царства”, очень уж хороша была сергиевская игрушка ручной работы. К началу XX века в самом Сергиевом Посаде и его окрестностях работало около трехсот потешных мастерских. Промысел был прибыльным: купить игрушку

¹ Личные дневники и воспоминания Варсанофьевой В.А. // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 463. Л. 2–3.

у стен Троице-Сергиевой Лавры считалось богоугодным делом, ведь по легенде сам преподобный Сергей Радонежский когда-то вырезал и раздаривал ребятам деревянных лошадок и дудочки.

Одним из самых популярных и ходовых в те времена был огромный строительный набор лавры со всеми ее храмами, стенами и башнями. Такой и получили однажды в подарок Лена и Вера. В играх Веры церкви стали людьми, а соборная колокольня — царицей. Эта девочка не особо жаловала кукол, зато с увлечением играла фигурками животных. На всю жизнь самой любимой стала сова-свисток, Вера называла ее совушкой. Именно так, с ударением на второй слог. Свисток привезли своей трехлетней внучке из Швейцарии бабушка с дедом. Позже совушка из игрушки превратится в талисман и будет везде путешествовать со своей хозяйкой, а вот куда она делась после смерти Веры Александровны установить, к сожалению, не удалось.

Отдельным приключением Вериного детства были поездки в Москву к бабушке и деду. Особенно зимой, в санях, по свежее-павшему снегу. Двухлетняя Вера однажды поставила няню в тупик, спрашивая, куда убегают елочки. Зимник был таким ровным, что движения саней совершенно не ощущалось, и малышке казалось, что сани стоят на месте, а деревья на обочинах бегут домой, в Павловскую слободу.

Из Павловской слободы Александра Степановича Варсанофьева перевели в Калугу. Еще один небольшой городок, где Варсанофьевы успели пожить на двух разных квартирах.

Как переезжали в те годы? Без транспортных компаний, сервисов по упаковке вещей и сетевых магазинов, когда в новом городе можно купить ту же мебель, что была на старом месте, а привычные тарелки и полотенца заказать по каталогу. В XIX веке уют был штучным, и Варсанофьевы возили его с собой, обрастая от города к городу все большим количеством того, что жалко выбросить, — милых сердцу безделушек.

Первая квартира Вере почти не запомнилась, разве только по контрасту с московским домом бабушки и деда. После их просторных комнат и высоких потолков оказаться в Калуге маленькой Верочке было неприятно, и она просилась обратно в Москву. И ничего удивительного в этом нет.